

Рассмотренный материал позволяет сделать вывод, что фрейм «власть» является ведущим в монологе Ричарда Глостера, задавая тем самым одну из главных тем произведения. Все три части монолога объединены общей темой жажды власти ради самоутверждения, что созвучно принципам макиавеллизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гоффман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: пер. с англ. / под ред. Г. С. Батыгина и Л. А. Козловой; вступит. статья Г. С. Батыгина. М.: Институт социологии РАН, 2003. 752 с.
2. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М., 1997.
3. Патрис Пави. Словарь театра: пер. с фр. М.: Прогресс, 1991. С. 318.
4. Белозерова Н. Н., Чуфистова Л. Е. Шекспир и компания, или использование электронных библиотек при лингвистическом исследовании: учеб. пособие. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2007. 296 с.
5. Перевод Анны Радловой. ПСС в восьми томах. М.: Искусство, 1957. Т. 1.

Д. В. ПЕТЕЛИНА

ЛАНДШАФТ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ»

АННОТАЦИЯ: В данной статье рассматривается поэтика городского ландшафта и способы его художественной реализации в романе Ф. М. Достоевского «Бесы», выявляются особенности ландшафтного мышления писателя.

SUMMARY: *The article deals with the poetics of an urban landscape and ways of its realization in «The Demons» novel by F.M. Dostoevsky and reveals the author's peculiar landscape thinking.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Достоевский, «Бесы», городской ландшафт, лабиринт, ландшафтное мышление.

KEY WORDS: *Dostoevsky, «The Demons», urban landscape, labyrinth, landscape thinking.*

Исследователями не раз подчеркивалась крайняя смысловая и этическая насыщенность пространства в творчестве Ф. М. Достоевского [Топоров, 1983:229], поэтому закономерно, что изучению элементов пространства в его произведениях уделяется так много внимания. Если говорить о городском ландшафте, всесторонне рассматривался «Петербургский текст» Достоевского, провинции же посвящено гораздо меньшее число работ. В данной статье мы хотели бы затронуть проблему организации ландшафта провинциального города в романе «Бесы».

Используя термин «ландшафт», мы будем в дальнейшем вслед за О. А. Лавреновой понимать его как совокупность природной компоненты, артефактов, созданных людьми, а также философских и онтологических категорий, которыми оперирует культура, генетически связанная с ним.

С целью выявления своеобразия организации ландшафта в романе «Бесы», в ходе работы мы обращаемся и ко второму тексту — к повести «Дядюшкин сон». Данные два произведения отстоят друг от друга по времени и различны по художественной задаче и реализуемым моделям городского ландшафта. Однако если мы найдем в них общие важные элементы как структуры города, так и структуры повествования, мы сможем сделать некоторые выводы о своеобразии ландшафта провинции у Достоевского в целом, и на основе этого говорить об особенностях его реализации в каждом из произведений в отдельности.

Структурообразующими для провинции Достоевского являются:

- фигура хроникера, благодаря которой выстраивается сложная система точек зрения, внешних по отношению к пространству провинции, и внутренних;
- участие провинциального города в оппозиции центр — периферия, что определяет положение города в мире в представлении горожан;
- внутри городского ландшафта ключевыми выступают: явление пустого пространства, улица, переулок, забор, вода и грязь, а также соотношение пространства дома с пространством улицы.

Эти элементы составляют комплекс, характеризующий провинцию Достоевского в целом и являющийся как в первом рассматриваемом произведении, так и во втором. Однако соотношение данных элементов различно, и в этих различиях и проступает своеобразие ландшафтного мышления художника. В зависимости от реализации элементов указанного комплекса в тексте мы можем охарактеризовать городской ландшафт по принципу организации в повести как *город-декорацию*, а в романе — как *город-лабиринт*.

Для реализации Мордасова как *города-декорации* принципиально важен мотив театральности, противопоставление сцены и закулисья. Это проявляется в интонациях хроникера, в иллюзорных оппозициях Мордасова и внешнего мира (так как хотя знания о внешнем мире присутствуют в сознании горожан, Мордасов все равно сознается ими как единственно пригодное для жизни место, окруженное пустотой).

Особенно же ярко конфликт *сцены* и *закулисья* представлен пространством дома. Так, у Марьи Александровны есть городской дом для приемов и загородный — для жизни; внутри дома «салон» для гостей соседствует с чуланом, в котором хранится «черное белье» — их разделяет запертая дверь. И даже поведение персонажей на глазах у соседей рознится с поведением среди домашних. В тексте: «Да и, наконец, всем известно, к какому контрасту способны некоторые утонченные дамы известного общества, у себя за кулисами» [Достоевский, 1972:359]; «Ведь это только... одна комедия, одна наружная золотая кора. Приподымите эту кору, и вы увидите целый ад под цветами...» [Достоевский, 1972:341].

Город в «Бесах» отличается прежде всего тем, что в тексте отсутствует пространство дома. В лучшем случае герой обладает *антидомом* (термин Ю. М. Лотмана), т. е. живет на квартире, в поместье — в месте, которое не является для него своим, не наделено значениями уюта, безопасности и сокровенности. В худшем случае герой, как Федька Каторжный, не имеет дома вовсе.

Тогда как в нормальном состоянии путь всякого героя начинается из дома [Топоров, 1983:237] и ведет в конечную точку через сегменты пространства с нарастающей или убывающей сакральностью, в «Бесах» герой лишен дома. Дом подменяет сам город-лабиринт, являющий собой клубок улиц, переулков, тропинок, заборов, канав, тротуаров, заполненных, словно клейким веществом, грязью. В тексте: «Николай Всеволодович...*пошел по проулку, увязая с каждым шагом вершка на три в грязь*» [Достоевский, 1974:184]; «По чрезвычайному дождю *грязь по здешним улицам нестерпимая*» [Достоевский, 1974:185]; «увязая по колена в грязи, он [Петр Степанович] пустился по переулку» [Достоевский, 1974:319]; «Дома обратились в лачужки, улица пропала во множестве беспорядочных закоулков» [Достоевский, 1974:203]; «Здешний город — это все равно что *черт в корзине нес, да растрес*» [Достоевский, 1974:214].

Будучи ничем не защищенными от него, герои вынуждены петлять по переулкам, бродить по колена в грязи, ступать на мост, на котором, встретившись, нельзя разойтись. Больше того — все эти действия становятся для них естественными, как является естественной деформированная форма ландшафта — лабиринт.

Прежде всего, такая деформация знаменует нарушение сегментации, как физической («беспорядочные закоулки»), так и ценностно-смысловой. То есть если, обращаясь к мифопоэтическому пространству, мы имеем дело с моделью упорядоченного Космоса с центром, отмеченным сакральностью, и удаленной периферией, в случае с лабиринтом все объекты, даже имеющие статус сакральных, втягиваются в общее *неупорядоченное* пространство. Примером этого может служить ограбление церкви, совершенное Петром Степановичем и Федькой Каторжным: взять деньги Федьке Каторжному представляется естественным, тогда как запустить мышь за стекло иконы он не соглашается.

Это любопытное выражение той извращенной системы ценностей, которая порождает вандализм, убийства и самоубийства в романе. Как лабиринт, втягивая в себя объекты с различными ценностными статусами, уравнивает их, укорененное в лабиринте *беспорядочное* сознание преломляет приходящие извне идеи. Лабиринтная структура города предопределяет как путь следования героя (извилистыми и грязными проулками, чтобы срезать путь), так и его способ мыслить и судить о мире (найти свой путь «тихими стопами», как говорит Федька Каторжный).

Тот центр сознания, который формируется во многом домом — ощущением защищенности, сокровенности, уюта, который становится основой для отделения своего пространства от чужого и в конечном итоге для формирования системы ценностей, у жителей лабиринта отсутствует. Непросматриваемость, отсутствие перспективы, и в конечном счете — цели обесценивает и сам путь. Теряя вместе с осмысленностью смысловую наполненность, он трансформируется в бесконечные блуждания, единственная альтернатива которым — исчезнуть в соседствующем с лабиринтом пустом пространстве, тема, звучащая уже в эпитафии: «Бесы, вышедшие из человека, вошли в свиней».

и бросилось стадо с крутизны в озеро, и потонуло» [Луки 8:33]. Степан Трофимович говорит еще: «все эти бесы, вся нечистота, вся мерзость... <...> Это мы, мы и те, и Петруша... и я, может быть, первый, во главе, и мы бросимся, безумные и взбесившиеся, со скалы в море и все потонем, и туда нам дорога, потому что нас только на это ведь и хватит» [Достоевский, 1974:499].

Однако именно Степан Трофимович стал тем единственным человеком, который нашел выход из лабиринта — Большую Дорогу: «Старая, черная и изрытая колеями дорога тянулась пред ним бесконечною нитью, усаженная своими ветлами; направо — голое место, давным-давно сжатые нивы; налево — кусты, а далее за ними лесок. И вдали — вдали едва приметная линия уходящей вкось железной дороги и на ней дымок какого-то поезда» [Достоевский, 1974:481]. Это принципиально иная организация ландшафта. Черты, ярко отличающие ее от лабиринта: открытость, непрегражденность, протяженность, органичное размещение в окружающем пространстве (что исключает соседство чрезмерно заполненных сегментов с зияющей пустотой), наличие цели (потому что всякая дорога куда-то ведет). С появлением цели движение обретает смысл, перестает быть блужданием и становится путем: «Нет, уж лучше просто *большая дорога*, так просто *выйти на нее и пойти* и ни о чем не думать, пока только можно не думать. Большая дорога — это есть нечто *длинное-длинное, чему не видно конца — точно жизнь человеческая, точно мечта человеческая. В большой дороге заключается идея; а в подорожной какая идея? В подорожной конец идеи... Vive la grande route, а там что бог даст*» [Достоевский, 1974:480].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Достоевский Ф. М. Бесы // Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 10. Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1974. 518 с.
2. Достоевский Ф. М. Дядюшкин сон // Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 2. Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1972. 527 с.
3. Лавренова О. А. Философия ландшафта в творчестве Николая Константиновича и Святослава Николаевича Рерихов [Электронный ресурс]. Электронная библиотека Международного Центра Рерихов. URL: <http://lib.icr.su/node/1046>. (дата обращения 08.10.2012).
4. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2001. 704 с.
5. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 227-284.

Е. М. ПЫЛАЕВА

ЭКОКОНЦЕПТЫ КАК МАРКЕРЫ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается вопрос о роли экоконцептов в прозе. Дается определение эколингвистики как науки, изучающей данное понятие. На примере нескольких рассказов продемонстрировано, как экоконцепты могут указывать на межличностное взаимоотношение. В конце ста-